

Встреча по заявкам

Любимый актёр, режиссер, писатель, композитор... К ним всегда велик интерес. И наша почта четко это фиксирует.

В рубрике «Встреча по заявкам» мы постараемся выполнять ваши просьбы.

Сегодня — встреча с Эльдаром Рязановым, интерес к творчеству которого велик и постоянен.

что для меня самое отрадное. И мне кажется, главное, что мы должны увидеть в классике, — ее созвучность сегодняшнему дню.

Соответствует или не соответствует фильм литературному первоисточнику — для меня проблема выдуманная, снятая с повестки дня еще во время Дранкова и Ханжонкова, первых русских «экранизаторов». Нельзя сегодня ставить «Бесприданницу», как ее ставили бы при Островском. Смешно, к примеру, сейчас решать проблему эмансипации, потому что жизнь ее давно решила. А вот любовь, ревность, скудость, великодушие, подлость, ни-

сочинений великого драматурга и автор всех комментариев к нему, автор замечательной биографии. Разумеется, Лакшин читал сценарий, смотрел отснятый материал, давал свои советы и рекомендации, которые я, кстати сказать, с удовольствием выполнял.

Снимая фильм, я вовсе не ждал, что он всеми будет принят «на ура», знал, что будут разные мнения, хотел, чтобы они были. Я вовсе не считал и не считаю теперь, что чересчур смело обошелся с Островским, — скорее готов упрекнуть себя в излишней робости перед классиком, чем в непочтительном отношении к нему.

Эльдар РЯЗАНОВ:

«МОЯ ЛЮБОВЬ — РАБОТА»

В глубине кабинета, где мы беседуем с Эльдаром Рязановым, его недавние «трофеи» — изящный «Золотой павлин», главный приз Делийского кинофестиваля, завоеванный «Жестоким романсом»; только что полученный из Польши приз кинокритики за «Вокзал для двоих», признанный там лучшим зарубежным фильмом года. Ну, а помимо призов, режиссер давно и прочно завоевал награду, так сказать, нематериального свойства — зрительскую любовь. Уже в четвертый раз (такого ни у кого не было) ежегодный читательский конкурс «Советского экрана» называет фильм Рязанова лучшим в году, добавок к тому признаны: лучшим актером — Никита Михалков, сыгравший Паратова, лучшим оператором — Валдим Алисов, снявший «Жестокый романс», лучшим композитором — Андрей Петров, написавший музыку. Успех! Однако было и немало суровых рецензий, дискуссия на страницах «Литературной газеты».

— На мой взгляд, — говорит Рязанов, — успех бывает трех видов. Успех у собратьев по профессии. Успех у широкой публики. Успех у так называемой «элиты» — профессионалов, людей искусства, высокообразованных ценителей. Последняя категория зрителей, при том, что вроде бы способна оценить фильм наиболее глубоко, имеет и свои минусы. Ведь бывает, что избыток интеллектуальных познаний при недостатке душевной культуры ведет к снобизму, к ощущению себя «выше толпы». Иными словами, к чванству.

Так что, как видите, успех успеху рознь. В идеале, конечно, хочется признания у всех категорий зрителя. Но такое случается нечасто.

Что касается меня лично, то мне пришлось сталкиваться со всеми видами успеха, неуспеха, полунуспеха. И даже несколько раз повезло на успех всеобщий. Может быть, мне самому и нескромно говорить об этом, но именно так и было, а уж за чей счет относить этот успех, за свой ли или за счет случайного попадания в настроение общества, — дело другое.

— А как вы расцениваете реакцию на «Жестокый романс»? И, кстати, что побудило вас обратиться впервые в жизни к экранизации?

— Экранизации русской литературы XIX века, которые я в разные годы видел, в большинстве своем оставляли меня холодным. В них были замечательные декорации и тонко сыгранные актерские роли, но все это существовало само по себе, потому что, как правило, не было главного — чувства жизни, пульсирующего биегия крови. От этих фильмов оставалось ощущение музея: знаете, умом понимаешь, что все это и важно, и интересно, что вот эта табакерка очень тонкой работы, а вот такие шляпки «носила буржуазия». Но за живое не задевает. Главный и непреложный критерий для меня: экранизация должна волновать не меньше, чем картина о современности.

«Бесприданницу» Островского я люблю более всех других его вещей, может быть, потому, что она могла бы с удивительной легкостью вписаться и в сегодняшнюю жизнь. Меня приятно поразила реакция на фильм зрителей, особенно молодых. Именно им фильм обязан своим зрительским успехом, именно их голоса принесли фильму победу в конкурсе «Советского экрана». Это неожиданно, просто даже невероятно. Ведь молодые как раз чаще всего и не хотят смотреть экранизации, главная аудитория таких фильмов — зритель постарше, тот, кто предпочитает сидеть дома у телевизора. Это значит, что молодые восприняли фильм как вполне современный, увидели в судьбе Ларисы что-то перекликающееся со своей жизнью. Вот

зость — все это вечные темы. Меня и интересовало более всего современное выражение этих чувств, что, кстати, было полностью поддержано всеми актерами.

Далее: мы снимали фильм так, как снимали бы про современность — легкой ручной камерой, подвижными раскованными мизансценами, не стремясь к выверенным, уравновешенным композициям, не боясь случайного в кадре. В такой манере исторические фильмы снимать не принято. А этот мы старались снимать так, будто писали его не гусиным пером, а авторучкой. Верен или не верен этот путь, но мы шли по нему сознательно.

— Много разных мнений высказывалось по поводу вашей трактовки Ларисы. Как вы сами относитесь к этой героине?

— Лариса для меня — жертва среды и обстоятельств. Я ей сочувствую. И тем не менее в ней мне не хватает чего-то, чтобы я мог ее полюбить. Она ведь совсем не идеальное возвышенное существо, как некоторые склонны ее воспринимать. У Островского она не показана и личностью духовной. Кроме одной-единственной фразы: «Я сейчас все за Волгу смотрела. Как там хорошо на той стороне!», ничто в пьесе не подтверждает подобное понимание образа.

Она девушка вполне обыкновенная. Но наделенная единственным прекрасным талантом — любить. И вот это-то, для чего она была рождена, и было в ней распотано и уничтожено. Но ведь она же раскрывается и как человек, который может быть грубым, холодным, неумным, бестактным (скажем, в сценах с Карандышевым). Образ написан так, что допускает весьма широкий диапазон трактовок. Я не случайно дал Ларисе романсы на слова Цветаевой и Ахмадулиной. Это было средством усилить духовность образа, привнести в него те интеллектуально-поэтические качества, которых ей по пьесе (как за это накинутся на меня литературоведы!) недостает.

Короче, Лариса — характер совсем не однозначный. Это не просто романтическая девушка, готовая парить на крыльях мечтаний и идеальных чувств. Ее увлекает почему-то человек, обратите внимание, богатый. Она принимает предложение Кнурова идти к нему на содержание, и, если бы не выстрел Карандышева, знаете, кто бы из нее получился? Я думаю, из нее получилась бы Настасья Филипповна. Только вместо Тоцкого был бы Кнуров.

И всех других персонажей я хотел показать как людей объемных, полнокровных, со всем дурным и хорошим, что в них есть. Скажем, чем Паратов прекраснее, тем он отвратительнее. Когда красивый, обаятельный, роскошный мужчина оказывается подлецом и мерзавцем — это намного страшнее, чем если бы он был заурядной посредственностью.

— Вас упрекали за то, что вы взяли «дописывать» Островского.

— Вопреки некоторым предположениям критиков, я читал Островского всего, целиком. Я сидел в этом материале довольно долго, у меня было время, чтобы его обдумать. Мои критики как-то не обратили внимания на то, что реплик, написанных мною, в фильме почти что нет. Все они взяты из ближайших к «Бесприданнице» по времени написания пьес Островского. Ведь у каждого крупного писателя, как известно, свой мир, в котором немало сходных ситуаций, сходных характеров.

Кстати, все, кто писал о фильме, сделали вид, что не заметили среди титров такой: «Консультант Владимир Лакшин». Лакшин — составитель полного собрания

— А почему вы вам не поступить, как прежде бывало на «Кинопанораме»: пригласить и сторонников фильма, и его противников, чтобы каждый мог высказаться.

— Не могу. Это было бы злоупотреблением служебным положением. По поводу фильма какого-то другого режиссера это было бы вполне возможно, по поводу своего, к сожалению, отпадает.

— Как вы относитесь к своей работе в «Кинопанораме»?

— Как к делу чрезвычайно важному. Ведь ни в школах, ни в институтах у нас не учат художественному вкусу, а потому нередко и люди, в своей области высокообразованные, не могут отличить искусство от подделки под него, хорошую живопись от кича. А в «Панораме» можно не дидактически, не нравоучительно, но просто обменом мнений в разговоре, юмористическим замечанием, живым примером, цитатой из фильма учить людей отличать хорошее от плохого.

— Думаете ли вы вновь вернуться к экранизациям классики?

— Пока нет. Хотя меня очень занимает тема, напрямую с ней связанная, — Чехов. Я и прежде обдумывал фильм о нем, а недавно поехал отдыхать в Ялту, там неожиданно для себя получил травму, провалялся в больнице, отпуск пошел прахом. Но зато у меня было время погрузиться в Чехова. Я читал его письма, написанные в последнее пятилетие жизни, был в его доме, куда буквально дополз, хромая, и все более проникался мыслью сделать фильм об этом бескорыстном, душевном человеке, служившем литературе с такой чистотой и преданностью, что сам его облик уже есть живой укор любым дельцам от искусства.

— Если бы вдруг каким-то сказочным образом вам дали возможность осуществить любой свой проект, любую самую головокружительную мечту, что бы вы выбрали?

— «Мастера и Маргариту».

Естественно, возникает вопрос: способен ли я такой фильм сделать? Трудно говорить. Страшно за такое братья. Но ведь если раскладывать по полочкам, то в романе сплетены все те жанры, к которым я прежде так или иначе в кино обращался, — и сатира, и юмор, и драма, и эксцентрика, и фантазмагория. И потом, трус в карты не играет.

Да, конечно, какой бы режиссер фильма ни снимал, он все равно будет слабее романа. Иначе и не может быть, когда имеешь дело с таким Монбланом. И все же сама мысль увидеть Булгакова на экране настолько притягательна... Возможно, кто-то скажет, что я авантюрист. Но авантюризм, если вдуматься, — это ведь хорошее качество, до известных пределов, конечно. У иных он с возрастом увеличивается, у других уменьшается, даже исчезает. Сейчас, мне кажется, я уже достаточно немолод, чтобы на такой фильм решиться, и еще недостаточно стар, чтобы на него уже не решиться. Лет через десяток я, наверное, уже за него бы не взялся.

Верить в то, что такая экранизация мне по силам, позволяет накопленный опыт, жизненный и кинематографический. И то еще, что есть группа единомышленников, людей, понимающих тебя с полуслова — оператор Валдим Алисов, художник Александр Борисов. Вроде бы предпосылки для успеха есть. А удастся ли его на деле добиться? Нужно не об успехе думать, а просто работать, отдавая все силы, все умение, все способности...

Беседу вел Александр ЛИПКОВ.